

Еда тут была бесплатной, так сказать часть соцпакета. При желании можно было купить и что-то дополнительное за деньги, но обычно в этом не было необходимости — кормили вполне сытно. Достаточно было просто вставить карточку в терминал, выбрать блюда — и собственно все. Дальше можно было просто взять чек и по нему забрать заказ. К тому же все сотрудники проходили к выдаче без очереди. Очень удобно, Павел никогда не любил готовить и когда Аристарх Самойлович рассказал о подобной системе — это едва ли не качнуло чашу весов. Мужчина теперь просто не верил, что он мог бы отклонить предложение, не узнай он об этой злосчастной столовой!

Спутница его оставила, пообещав показать остальное как-нибудь в другой раз и Павел сел за один из столиков к группе девчонок. Вскоре он начал замечать, что на него как-то странно поглядывают, но для начала старался этого не замечать, а просто ел молча. Однако наконец не выдержал и спросил:

— Что такое, со мной что-то не так?

— А вы врач?

— Ну да, врач, — вот видишь, — Павел показал свое удостоверение, все еще висящее на шее.

— А что такое?

— Нет, ничего, — ответила девушка и все заулыбались.

— А все-таки?

— Просто я вас здесь не видела, а вы проездом или как?

— Нет, с сегодняшнего дня я здесь работаю, — сказал мужчина и все почему-то заулыбались еще шире. — Но что же в этом удивительного? — Хотя Павел уже начал догадываться что. У врачей, как он успел убедиться, здесь были широкие полномочия.

— Мы не любим врачей, — сказала собеседница, хотя во взгляде почему-то не было ни тени отвращения.

— Уверяю вас, я хороший врач. А что, есть какие-то жалобы? — Павел обвел взглядом присутствующих.

— На лишний осмотр не нарываемся.

— А вот именно ты-то по-моему как раз нарываешься! — уж больно лицо у собеседницы было ехидное.

— Нет, вам показалось. Ладно, нам пора уходить, до свидания, — здесь, по-видимому, была обязательной подобная форма вежливости, поскольку было видно, что девушка как-то похолодела и любезничать ей не хотелось.

— Кать, погоди, у меня вопрос, — сказала соседка. Подруга сразу же на нее шикнула, но новую собеседницу это не остановило.

— Конечно, спрашивай, что ты хочешь узнать?

— А вы где именно у нас работаете?

— С Аристархом Самойловичем, знаешь его?

— Знаю, знаю, как не знать, — девушка скривилась.

— Но собственно он скоро уезжает, я прибыл на его место, быть может тебя это обрадует.

— Да не то чтобы, теперь вы нас мучить будете.

— Лена, нам пора! — Катя явно куда-то торопилась и даже взяла подругу за руку, но та только

отмахнулась.

— Видимо Катю он «мучил» сильнее?

— Да не, всех одинаково! — и все трое прыснули, включая даже торопящуюся Катю.

— А как же мучил, расскажи?

— А то вы не знаете?!!

— Полагаю, вам не нравится проходить медосмотры, а точнее раздеваться при этом, — Павел сделал смелое заявление, накаляя обстановку, но разговор явно шел в эту сторону и стоило акцентировать некоторые вещи для простоты дальнейшей беседы.

— Совсем не нравится.

— Почему же? Нет-нет, я серьезно спрашиваю, подумай и ответь. У нас сегодня днем тоже был медосмотр и одна девушка поначалу наотрез отказалась снимать лифчик, — было немного неловко говорить это слово и вообще обсуждать такие вещи с абсолютно незнакомыми девушками, но по видимому их история не шокирует, по-видимому она тут никого не шокирует. — Я думал это разовая проблема.

— Ну понимаете, мы же девушки, нам стыдно. А вы сразу нет, разделась и все! А свободно в душ входить и в спальню — это как вообще?!!

— Такие порядки здесь, просто надо привыкнуть, — про спальню Павел в первый раз слышал, но решил не обнаруживать своего невежества. — Вас это все еще беспокоит?

— Конечно беспокоит, странно было бы, если б не беспокоило!

— А я вот как-то не заметил, чтобы вы были какими-то обеспокоенными, — от этих слов девушки почему-то покатались со смеху.

— Меня поначалу беспокоило, а сейчас уже немного привыкла, — сказала молчавшая до сих пор третья собеседница. — Хотя конечно все равно не люблю такие моменты.

— И зачем вы об этом врачу рассказываете, дуры? Вы хотите, чтобы он вас лапал охотнее?

— Ты сама-то чего ржала, дура?

— У меня вырвалось, а вы вот специально рассказываете!

— Девочки, вы меня извините за некоторую прямооту, но если вы во время осмотра немного возбуждаетесь — это нормально. Это естественная реакция организма, не нужно этого стесняться. Просто надо помнить, что вы там совершенно с другой целью и оставить все лишние мысли.

— И вовсе я не возбуждаюсь!

— И я!

— И я тоже!

— И смеялись вы должно быть именно поэтому? Вы меня немного обманываете, но это ничего страшного, — было видно, что собеседницы немного оскорбились и подумывают уйти, а прерывать диалог пока не хотелось и Павел соображал, как восстановить доверие. На попятную идти не стоило, а лучше все объяснить. — А что, часто к вам в спальню кто-то входит? Я просто тут человек новый, я этого не знаю. Да и там-то чего стесняться?

— Вы правда не знаете? — Девушки переглянулись, было видно, что им верится с трудом.

— Да, я здесь первый день, медосмотр уже проводил, на пляже в вашей душевой был, когда мне показывали лагерь, а вот в спальнях не был, — Павел считал нужным все объяснить, чтобы не выглядеть идиотом, не знающим элементарных вещей, с одной стороны и чтобы его не посчитали слишком скромным с другой. Пусть не думают, что он может постесняться войти к ним в спальню или нечто подобное. — Так все же что там особого?

— Ну, мы наверное зря начали об этом говорить... — собеседницы выглядели испуганно.

— Да нет, отчего же, все равно я там непременно побываю. Так все же что там?

— Понимаете, — сказала Катя, — нас на осмотр иногда вызывают, а иногда сами приходят.

Просто могут вечером придти, велеть раздеться да трусов и встать в шеренгу. У нас комнаты на десять человек рассчитаны и хорошо еще тем, кого сразу начали осматривать, а остальные просто стоят и ждут до конца в одних трусиках. вы не любите смотреть на девушек! Вы когда-нибудь слышали подобную глупость?

— Хм... люблю. Да, определенно люблю, — Павел это сказал не без некоторого внутреннего сопротивления. Трудно было признавать очевидное, хоть и было это очевидное не вполне приличным и в чем-то даже аморальным, но противиться себе сил не оставалось.

— Нет, вы слышали?! Я определенно теперь могу с чистой совестью оставить санаторий на ваше попечение. В ваших профессиональных качествах у меня не было сомнений ни малейших, а теперь, когда мы уладили этический вопрос, я могу вам ответственно заявить, что наше учреждение в надежных руках!

— Но позвольте, тем не менее, спросить, почему это для вас так важно? Если бы, гипотетически, после вашего ухода воспитанницам пришлось бы раздеваться чуть реже, разве вам от этого было бы плохо?

— Павел, вы сейчас задали хороший вопрос и я хотел бы на него ответить. Да-да, не удивляйтесь, я хотел бы на него ответить обстоятельно. Люба, сделай нам коньячку, по полрюмочки, не больше. Так вот, дело в том, что я нахожусь в этой должности пять лет и постепенно выстраивал это место по своему вкусу. За пять лет можно многое сделать, вы не находите? Впрочем как вы можете не находить, если вы сами все видели! Директором санатория является мой хороший друг, это мне помогло. Я не был с вами откровенен изначально, вы должны простить.

— Конечно, я понимаю, я и сам не стал бы посвящать в такие вещи всех и каждого.

— Это безусловно доказывает, что я сделал правильный выбор. Так вот, все, что вы видите — моих рук дело. Сколько себя помню — я никогда не мог устоять перед тем, чтобы раздеть очередную милашку, под тем или иным предлогом. Причем больше всего мне нравились юные и застенчивые. Именно они доставляют наивысшее наслаждение! Когда кто-то раздевается сам — это не так интересно, но вот когда кого-то надо заставлять — это уже наивысшее блаженство! Давайте тяпнем коллега коньячку, давайте, ваше здоровье! Так вот, что я стал делать, оказавшись здесь, как вы считаете? Разумеется, я начал менять нынешние порядки. Я вам не скажу, что это было легко, но я вам скажу, что я, — Аристарх Самойлович указал на себя пальцем, — этого добился. Вы следите за моей мыслью, коллега?

— Да-да, я вас внимательно слушаю.

— И теперь я могу посмотреть на любую, я еще раз вам говорю, любую нашу воспитанницу просто в любой момент, когда мне этого захочется! Для этого стоит потрудиться пять лет, не правда ли?

— Да-да, пожалуй стоило, — Павел больше не нашелся что ответить.

— И Вы еще спрашиваете, почему меня это беспокоит? Я вам передаю дело всей своей жизни, ни много, ни мало. Павел, вы понимаете? Уж слишком много сил я потратил на это место, чтобы меня не беспокоило, что здесь будет после моего ухода.

— Чтож, спасибо за откровенность.

— Пустяки. Сразу вам это рассказать было совершенно невозможно, но теперь пустяки.

Кстати как бы вы отреагировали, если бы я вам сразу все рассказал?

— Затрудняюсь сказать, но совершенно точно отличным образом.

— А как вы намерены поступить теперь?

— Теперь я намерен занять ваш пост. И официальный и неофициальный.

— В самом деле? Не смел надеяться. Я вам совершенно ответственно заявляю, не смел даже надеяться! Люба, нам еще коньячку! По полрюмочки, не больше. Ну так и что же, если завтра здесь еще одна новенькая откажется раздеваться, как эта, Ефремова, а меня здесь уже не будет, как вы поступите?

— Я заставлю ее раздеться.

— Что вы говорите?! А потом?

— А потом она должна будет получить дополнительное наказание, чтобы у нее пропала охота так поступать в будущем.

— Любопытно, весьма любопытно. И что это могло бы быть за наказание? Да вы пейте коньячок, давайте, ваше здоровье. Итак?

— Она должна подвергнуться более тщательному осмотру, необходимо также здесь и устное внушение. Оно хорошо работает, если девочка почти голенькая. И особенно хорошо, если прямо в этот момент идет осмотр груди. И еще она должна извиниться за свое поведение и обещать, что такого больше не случится.

— Весьма любопытно. К нам через два часа прибывает еще одна воспитанница. Давайте на этот раз вы мне покажете, что вы будете делать, а я вам буду ассистировать.